

Фуфаева Ирина Владимировна

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125047, Москва, Миусская пл., 6
iriel@inbox.ru

К истории русского арготизма «чувиха»*

Для цитирования: Фуфаева И. В. К истории русского арготизма «чувиха». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2024, 21 (1): 166–181.
<https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.109>

Исследование обращается к проблеме неполноты данных о происхождении русского арготизма *чувиха* ‘женщина, девушка’. Оно долго связывалось с воровским арго, в котором, по версии А. П. Баранникова, лексема была цыганизмом. Затем цыганская этимология стала отвергаться. Принадлежность к воровскому арго тоже недостаточно аргументирована. Цель исследования — заполнить пробелы в истории слова *чувиха* с помощью методов корпусного и лексикографического анализа на материале Национального корпуса русского языка, коллекции оцифрованных книг Google Books, сервиса дневников Prozhito.org, словников тайных языков, словарей арго и др. В результате исследования были сделаны следующие выводы. *Чувиха*, *чувак* и ряд других арготизмов перешли в арго так называемых стилиг (молодежи, увлеченной западной культурой) не позднее начала 1950-х гг. из арго так называемых лабухов — ресторанных музыкантов. Обнаружено музыкантское арго 1920-х гг., включающее лексему *чувиха* ‘женщина’ и другие единицы, известные нам по более поздним жаргонам лабухов/стиляг (*лабать* и др.). Следовательно, источником арготизмов лабухов/стиляг было музыкантское, а не воровское арго. Кроме того, музыкантские арго XX в. связаны с тайным языком оркестровых музыкантов XIX в., несколько единиц которого, имеющих общие корни с арготизмами лабухов/стиляг, приводятся в книге. В других тайных языках XIX в. также имеются слова с корнями, общими с арготизмами лабухов/стиляг (*лабаты*, *баи* и др.). Наконец, слова *чувиха* и *чувак*, возможно, связаны с арготизмом *човый*, употреблявшимся в упомянутом музыкантском арго 1920-х гг. в роли субстантивата — номинации человека, а в тайных языках XIX в. в значении «хороший», причем имелся и вариант корня *чув-*.

Ключевые слова: арго, жаргон, этимология, тайные языки, молодежный жаргон.

Введение

Предлагаемое исследование посвящено истории русской арготической¹ лексемы *чувиха*, ее однокоренного мужского коррелята *чувак*, о котором ранних данных меньше, а также некоторых арготизмов, регулярно употребляемых вместе с этими

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 19-78-10081 «Политкорректность в русском языке и русской культуре».

¹ В данной статье используется термин «арго» (фр. *argot*) в значении ‘условный язык обособленной социальной группы, включающий лексику, понятную только его носителям и отличающийся этим от общего языка’ и производные термины «арготический» ‘относящийся к арго’ и «арготизм» ‘слово, единица арго’.

лексемами (например, *лабать* и др.). Оно касается вопросов принадлежности слова *чувиха* и других слов этого ряда к разным арго различных эпох, их перехода из одного арго в другой, справедливости распространенной версии их связи с воровским арго и др., а также возможных словообразовательных связей слова *чувиха*.

Представляется, что оба слова в паре *чувиха* — *чувак* образованы независимо друг от друга.

Встречается трактовка слова *чувиха* как производного от *чувак*, например Р. Р. Гузаерова упоминает слово *чувиха* как «единичное образование от *-ак*: *чувак*» [Гузаерова 2020], но это кажется маловероятным. Феминитивы² от существительных на *-ак* образуются почти исключительно с суффиксом *-к(а)*, ср. *чудачка*, *рыбачка*, *казачка*, *левачка*, *сибирячка*, *вахлячка*, *батрачка*, *чужачка*, *кулачка* и др. Стандартный феминитив от слова *чувак* должен был иметь форму **чува́чка*, как *чудачка*.

От слова на *-ак* возможно образование нестандартных, экспрессивных феминитивов на *-их(а)*: *кулачиха*, «разг.-сниж. 1. жен. к сущ. кулак II 1. 2. Жена кулака [кулак II 1.]» [Ефремова 2006], ср. более нейтральное *кулачка*, где экспрессия обусловлена корнем. Но в слове *кулачиха* *-их(а)* присоединяется к суффиксу *-ак*, а не заменяет его. Т. е. нестандартным экспрессивным феминитивом на *-их(а)* было бы несуществующее **чувачиха*, и в версии образования *чувиха* от *чувак* наиболее уязвимо предположение об усечении суффикса *-ак*.

Итак, в отличие от пар *чудак* — *чудачка* и *кулак* — *кулачиха*, пара *чувиха* и *чувак*, видимо, представляет собой два параллельных образования от одного корня *чув-*: первое с суффиксом женскости *-их(а)*, второе с суффиксом со значением деятеля/объекта мужского пола *-ак*, ср. *дурáк* как производное от *дурь*, *дурый* «глупый» [Шанский, Боброва 1994]. Относительно возможности образования феминитива на *-их(а)* напрямую без посредства мужского коррелята см., например, *сыриха* — «поклонница теноров Большого театра Лемешева и Козловского» (их поклонницы собирались в магазине «Сыр» на улице Горького (Тверской)).

Арготическая принадлежность и семантика слов *чувиха* и *чувак*

Словарные пометы и толкования

Слова *чувиха* и *чувак*, будучи элементами субстандартной лексики, характерными в 1950–1960-х гг. для арго так называемых «стиляг»³ — молодежи, увлекавшейся западной музыкой и культурой, — представлены далеко не во всех академических словарях; при этом разные лексикографы по-разному трактуют их стилистическую маркированность.

В основном оба слова расцениваются как арготизмы. В 1964 г. они впервые были включены в словарь, а именно — в шестой том «Большого русско-чешского словаря» «чува́к, á, m, argot pásek, chuligán, чувиха, -и, f, argot. chuliganka, bedla» [Velký ruskó-český slovník: 519] (иллюстрации в словаре взяты из повести В. П. Аксенова «Звездный билет», 1961). В «Большом толковом словаре» под редакцией С. А. Кузнецова статья «Чувиха» является отсылкой: «см. *чувак*», при этом *чувак* помечено как «жарг.» [Кузнецов 1998]. В «Орфографическом словаре» В. В. Лопатина *чувиха*

² Слова с показателем женскости, как правило суффиксом.

³ Впервые как насмешливое название молодежной группы в фельетоне: Беляев Д. Стиляга. *Крокодил*. 1949, (7): 10.

помечено как «жарг.» [Лопатин 1999]. Включение слов *чувиха* и *чувак* в «Словарь русского жарго» В. С. Елистратова [Елистратов 2000] и «Словарь тысячелетнего русского жарго» М. А. Грачева [Грачев 2003] (статьи «Чувак» и «Чувиха») свидетельствует о том, что их авторы также считают эти слова жарготизмами. Наконец, первой и очень ранней (1927 г.) словарной фиксацией лексемы *чувиха* (и только ее, но не слова *чувак*) является включение ее в длинный ряд синонимов к слову «проститутка» в «Словаре жаргона преступников (блатная музыка)» С. М. Потапова [Потапов 1927: 184]. В других ранних словарях жарго преступников слово *чувиха* отсутствует.

В то же время в «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой значится: «чувиха ж. простореч. Женщина, девушка», — причем в этом словаре имеется предупреждение: «Грубая, жаргонная и бранная лексика не включалась» [Ефремова 2006].

Разные трактовки стилистического статуса слов могут отражать происходившие со временем изменения этого статуса или его определенную промежуточность, возникшую по мере обретения словами широкой известности, выхода за групповые рамки.

В толковании лексического значения лексемы *чувиха* также есть расхождения. В большинстве случаев *чувиха* интерпретируется как «любая девушка, женщина», но в упомянутом словаре жарго Грачева наряду с этим есть и значение «проститутка», оно дается первым, но, в отличие от остальных значений, без примеров, лишь с отсылкой к упомянутому словарю жаргона преступников Потапова. В самом словаре Потапова примеров также нет. В словаре жарго Елистратова *чувиха* имеет единственное значение «любая женщина, девушка». Грачев выделяет отдельно от значения «проститутка» значение «женщина легкого поведения», но приводимый пример, кажется, не иллюстрирует этого значения, и слово *чувиха* в нем может быть заменено словом «девушка»: «Зря ты куксишься, дружище. Тебе надо хорошую чувиху» (В. Каверин. Двухчасовая прогулка). В текстах, как увидим ниже, представлено исключительно значение «женщина, девушка», часто с коннотациями «модная, современная, раскрепощенная»; контексты со значением «проститутка» отсутствуют. Т. е. утверждение о наличии значения «проститутка» у слова *чувиха* недостаточно подкреплено словарями.

Отсутствие презрительных коннотаций у этого слова в молодежной среде также мешает принять версию, что это заимствованный воровской жарготизм со значением «проститутка». Коннотации слова *чувиха* в 1950–1970-е гг. были близкими к коннотациям слова *чувак*: современность, неформальность, раскрепощенность, свойскость, молодежность, ориентированность на Запад.

Чувиха и чувак в 1950–1960-е гг.

В 1950–1960-е гг. слово *чувиха* вместе с другими жарготизмами критиковалось в рамках высмеивания и осуждения молодежной субкультуры т. н. стиляг. Жарготизмы стиляг иногда осуждались как «блатные», см. ниже о повести А. И. Эрлиха; однако, как уже говорилось, заимствование стилягами слова *чувиха* из воровского жарго более чем сомнительно.

В статье М. Т. Дьячка и В. В. Шаповала 1988 г. при обсуждении гипотетического прихода слова *чувиха* в молодежное жарго из воровского упоминается известный

лингвист Е. Д. Поливанов: «Переход слова из воровского аргю в молодежное — процесс, который в 1920–1930-е годы отмечал Е. Д. Поливанов», — со ссылкой: «Поливанов Е. Д. За марксистское языкознание. — М., 1931. — С. 161» [Дьячок, Шаповал 1988: 53].

Эта фраза нередко цитируется, создавая впечатление, что Поливанову было известно слово *чувиха* и что в своей работе он писал именно о нем и о его переходе из воровского аргю в молодежное. Но в самой работе Поливанова, в главе, посвященной элементам воровского аргю в языке учащихся «О блатном языке учащихся и о “славянском языке” революции», слово *чувиха* не упоминается [Поливанов 1931: 161–172].

В 1950–1960-е гг., судя по ряду источников, интересующие нас слова употребляются или упоминаются исключительно при описании или передаче двух аргю: во-первых, *стиляг*, во-вторых, так называемых *лабухов*, т. е. ресторанных музыкантов (от глагола *лабать* ‘играть на музыкальном инструменте’, входящем в оба аргю).

Так, в повести В. П. Аксенова «Звездный билет» (1961), действие которой происходит летом 1960 г. и которая сделала оба слова широко известными, существительное *чувиха* употребляется персонажем, которого можно отнести к *стилягам*, а существительное *чувак* — *лабухом*. В первом случае это главный герой из интеллигентной московской семьи, выпускник школы, о котором старший брат говорит: «Что ему нужно, кроме трубы, контрабаса и саксофона?» — и которого вместе с его компанией в провинциальном городе героя называют *стилягами*. Второго персонажа герои характеризуют как «того *лабуха* из Малаховки (здесь и далее выделено нами. — И. Ф.)» (Малаховка — подмосковный поселок, где находится любимая героями танцевальная веранда); слово *чувак* всегда употребляется им во множественном числе как обращение к главному герою и его друзьям, например: «*Получайте башли, чуваки!*» [Аксенов 1961: 35].

В стихотворном фельетоне 1960 г., высмеивающем язык *стиляг*, молодой человек, обращаясь к девушке, говорит: «*Давай, чувиха, в выходной / Махнем на танцплощадку!*» [Дыховичный, Слободской 1960: 13].

В повести В. В. Липатова «Капитан “Смелого”» (1959) слово *чувак* неоднократно возникает в речи пароходного кочегара, зимой играющего в оркестре и заимствующего аргюизмы у дирижера [Липатов 1959]. Не уточняется, что оркестр именно ресторанный; во всяком случае, речь о языке оркестровых музыкантов.

В повести А. И. Эрлиха «Молодые люди» (1958) обличается аргю *стиляг*, в том числе интересующие нас слова: «Самый лексикон их (компании студентов. — И. Ф.)... состоит из загадочных... блатных выражений: ... “чувак” (приличный молодой человек), “чувиха” (приятная девушка)...» [Эрлих 1958: 33].

С помощью корпуса оцифрованных дневников «Прожито» нашлось еще одно достоверное употребление слова *чувак* в 1958 г. в школьном дневнике Л. В. Барлас (впоследствии лингвист Л. В. Кнорина): «Словечки в обиходе такие: “на высоком уровне”, “факт”, *стиляг* называют *чувак* и *чувиха*» [Барлас 1958]. Напротив, употребление этого же слова в армейском дневнике Л. Я. Липкина за 1953 г. крайне сомнительно: вероятно, в рукописи *чуваи* [Липкин 1953].

Еще один ранний литературный источник — сатирическая студенческая опера «Дубинушка», написанная участниками профсоюзной организации (по другим данным, студии «Архимед») физфака МГУ. Многочисленные мемуаристы относят

ее премьеру к 1955 г.⁴ Либретто по сохранившейся машинописной копии опубликовано Н. С. Никоновой в 2014 г.⁵ Одна из героинь либретто именуется Чувиха, другой персонаж называет себя «отменным чувачком»; оба персонажа явные представители субкультуры стилияг.

В статье Г. Гогоберидзе «Стиль и его поклонники», напечатанной в газете «Советская культура» 18 января 1955 г. и открывшей одну из кампаний против стилияг, приводится пример их речи: «Хелло, **чувак**, это я, Генка!» (цит. по: [Костомаров 1959: 171]).

В мемуарах зафиксировано функционирование слов *чувиха* и *чувак* в 1950–1953 гг.

Автобиографическая повесть Аксенова «В поисках грустного бэби» (1987) включает описание вечеринки в Москве в 1952 г., на которую попал автор, 19-летний казанский студент, и где фигурируют «дипломатические отпрыски и их “**чувихи**”» [Аксенов 1992: 146], одна из которых сообщает автору о своей очарованности американской музыкой. Кавычки при слове *чувиха* свидетельствуют о том, что оно принадлежит речи персонажей, т. е. московской золотой молодежи. Еще один персонаж этой же повести, казанский лабух, употребляет обращение *чуваки* в сцене, рисующей день смерти Сталина, т. е. 5 марта 1953 г.: «Ах, какая большая лажа стряслась, **чуваки!** Генералиссимус-то наш на коду похилиял!» [Аксенов 1992: 313], а другой музыкант, родом из Абхазии, в этой сцене употребляет обращение *чувачки*; он, по замечанию автора, говорит «на жаргоне черноморских ресторанов» [Аксенов 1992: 343].

Саксофонист А. С. Козлов употребляет в мемуарах (1998) оба слова в рассказе о стилиягах, начиная с 1950 г., когда он учился в 9-м классе: «Вот тут-то и просочились слухи о “Бродвее”, месте, где собираются стильные “**чуваки**” и “**чувихи**” со всей Москвы...». О 1951 г.: «...в десятом классе... Приходили мы обычно компанией с **чуваками** и **чувихами**, которые ждали, когда заиграет наша музыка, чтобы у всех на глазах начать “бацать стилем”». Там же Козлов приводит басню, где действует «Осел-стилияга», упоминая, что он переписывал ее школьником в 1951 г.: «...Осел увидел Соловья, и говорит ему: Хиляй сюда, **чувак**, Я слышал, ты отличный лабух...» (Алексей Козлов. Козел на саксе (1998) (цит. по НКРЯ)).

Таким образом, в источниках, современных эпохе оттепели, оба слова фиксируются с 1955 г., в поздних воспоминаниях очевидцев — с 1950 г. Контексты, в которых эти слова были бы связаны с уголовным арго и вообще с какими-либо социальными группами, кроме стилияг и лабухов, в это время не обнаружены.

Арготическое окружение слов чувиха и чувак

В ряде контекстов, описывающих арго стилияг и лабухов, вместе со словами *чувак* и *чувиха* перечисляются и другие единицы; часть их повторяется, являясь постоянным окружением этих слов в обоих арго. Иногда авторы этих описаний сообщают о переходе этих слов из одного арго в другое.

⁴ Московский университетский физический театр (МУФТ). *Студенческий сайт физфака МГУ*. <http://www.dubinushka.ru/subtopics.php?sid=20> (дата обращения: 25.02.2024).

⁵ Вспоминая оперу «Дубинушка». *МемоКлуб.ру*. <https://memoclub.ru/2014/01/vspominaya-operu-dubinushka/> (дата обращения: 25.02.2024).

Приведем примеры аргю лабухов.

...Дирижер моряковского самодеятельного оркестра Модест Сидорович Горюнов... научил кочегара диковинным словам, на которых объясняются «лабухи», то бишь музыканты. На языке Модеста Сидоровича человек — **чувак**, играть — **лабать**, молчать — **кочумать**, хорошо — **клево**, холодно — **зусман**, есть — **бирлять**, идти — **хилить**... [Липатов 1959: 3].

Писатель Ю. П. Казаков, упоминая слова из музыкантского аргю, отмечает и усвоение его «пижонами», т. е. стилиягами:

...и вот все они (музыканты. — *И. Ф.*) мало-помалу превратились в лабухов, усвоили легко тот музыкальный жаргон, который теперь так широко подхватили пижоны, — и человека уже называют «чуваком», о своей игре говорят: «лабать», еда и выпивка для них «бирлянство» и «кирянство»... (Юрий Казаков. Проклятый Север (1964) (цит. по НКРЯ)).

Песня «Здорово, Миша! Как дела, чувак?» Андрея Макаревича представляет собой монолог лабуха, обращенный к старому другу, в котором среди прочих арготизмов встречается глагол *башиляют*⁶.

Выше в цитате из автобиографической повести Аксенова «В поисках грустного бэби» прямая речь персонажа — казанского лабуха — содержит слова *лажа*, *похиллял*; эта речь продолжается фразой «**Кочумай, чуваки. Совесть у вас есть лабать, кирять, берлять и сурлять в такой день?**» [Аксенов 1992: 313]. В цитате из его же повести «Звездный билет» прямая речь персонажа — подмосковного лабуха содержит слово *башли*.

Далее приведем примеры описаний аргю стилияг.

...Добрая половина (лексикона персонажей. — *И. Ф.*) состоит из загадочных, решительно непонятных для непосвященного, блатных выражений: «**габони**» (деньги), «**чувак**» (приличный молодой человек), «**чувиха**» (приятная девушка), «**лажевый**» (плохой), «**законно**» или «**в порядке**» (выражение радости или восхищения), «**сон в руку**» (приветствие, пожелание здоровья и удачи), «**кореш**» (друг, товарищ), «**лабать**» (сыграть на каком-нибудь инструменте) и так далее... [Эрлих 1958: 33];

Студент Д. Андреев в энергичной статье, напечатанной в многотиражной газете Института стали, громко осудил арготизмы студентов: ...**башли, хилок, чувак, чувиха** и т. д. (К. И. Чуковский. Живой как жизнь (разговор о русском языке) (1962) (цит. по НКРЯ)).

В упомянутых воспоминаниях саксофониста А. С. Козлова, в приводимой им басне «Осел-стиляга», в речи персонажей среди других арготизмов встречаются *кирнул*, *хилляй*, *лабух*, *лабать*, *облажать* ('раскритиковать'). В этих воспоминаниях Козлов рассуждает и о происхождении слова *лабух* и аргю стилияг в целом:

В 1950-е годы слово *лабух* на моих глазах постепенно изменило свою окраску. Производное от глагола «**лабать**», то есть играть, оно пришло на «Бродвей» из времен

⁶ «Здорово, Миша!». *Машина времени и Макаревич* on-line*. <http://mashina.crestron-consulting.com/68s.php> (дата обращения: 25.02.2024).

* Признан в Российской Федерации иностранным агентом.

нэпа и, скорее всего, из Одессы, вместе с остальным жаргоном, где были смешаны воровские, спекулянтско-мошеннические и ресторанно-музыкантские шифрованные слова (Алексей Козлов. Козел на саксе (1998) (цит. по НКРЯ)).

В статье 1959 г. «Откуда слово “стиляга”? Этимологические заметки» ее автор, лингвист В. Г. Костомаров пишет о происхождении разных арготизмов стиляг:

Из дореволюционных жаргонов воскресли *лабать*, *лабух*, *чувак*; быстро привились бродвей (так эти хлыщи называют улицу Горького), *линда*, *буги-вуги*, *би-поп*, а несколько позднее *рок-н-ролл*; воровское арготизм дало *хилять*, *бирлять*, *бабки* или *гроши*, *клевое дело*... [Костомаров 1959: 170].

Таким образом, Костомаров считает, что *чувак*, а также *лабух* и *лабать* исходно принадлежали каким-то дореволюционным арготизмам, но не воровским.

И в арготизме *лабух* со словом *чувак* и/или *чувиха* часто встречаются слова *лабать*, *лабух*, *хилять*, *клёвый*, слова с корнем *лаж-* (*лажа*, *лажовый*, *облажать*), слова с корнем *башил-* (*башили*, *башилять*).

Происхождение арготизма *лабух* из арготизма музыкантов-лабухов практически не вызывает сомнений. Ниже описывается обнаруженный в ходе настоящего исследования ранний литературный источник слова *чувиха* и некоторых других арготизмов стиляг и лабухов, демонстрирующий их употребление ресторанными музыкантами уже в 1920-е гг.

Арготизмы симферопольских клезмеров 1920-х гг. и тайный язык оркестровых музыкантов XIX в.

В рамках настоящего исследования не удалось обнаружить употребления слова *чувак* раньше 1950-х гг. Русская фамилия *Чуваков*, топонимы *Чуваково* и подобные, по всей видимости, не имеют отношения к обсуждаемому слову и происходят от тюркского имени *Чуак*; например, в «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера упоминается царевич Чувак, сын сибирского хана Кучума [Миллер 1941: 31].

Слово *чувиха* в ходе исследования обнаружилось в художественном произведении 1920-х гг., в прямой речи персонажей — ресторанных музыкантов. Найти этот источник удалось с помощью коллекции отсканированных книг Google Books; правда, показываемый на сайте books.google.com маленький фрагмент, включающий это слово, приписывается совершенно другому произведению, но после ряда усилий нашелся настоящий источник — повесть «Алагирная улица» Д. М. Хаита. В этой повести описан Симферополь времен НЭПа. Действие одной из сцен происходит в пивной, где перед пустыми столами играют и переговариваются музыканты-евреи, которых автор называет «клеизмерами», со сноской: «музыканты», т. е. не столько обозначая стиль и репертуар, сколько просто используя слово языка идиш. Сносками снабжено почти каждое их слово: предполагается, что читателю арготизмы музыкантов совершенно непонятно.

Среди этих слов — *чувиха*, произносимое дважды, когда в пивную заходит родственница руководителя трио. «Музыканты оборвали свои звуки, а дядя сказал: **Чувиха!**» В сноске: «женщина». Следующая реплика диалога оценивает приход женщины и объясняет оценку: «— **Лажно**, — ответили ему. — Не идет **клевоый чо-**

Этимология музыкантских арготизмов с корнем чув-

Лексема *чувиха* имеет ряд любительских (наивных) этимологий вплоть до возведения к ивритскому *לשׁוּבָה*, *тишува* ‘возвращение, покаяние, раскаяние’. Еще больше любительских этимологий у слова *чувак*. Одну из них приводит Елистратов в упомянутом «Словаре русского арго»: «...первоначально в зн. кастрированный баран (или верблюд)». Можно упомянуть всходящую к стилям псевдорасшифровку аббревиатуры «Человек, уважающий высокую американскую культуру» и др.

В 1931 г. А. П. Баранников, специалист по новоиндийским языкам, в статье «Цыганские элементы в русском воровском арго», предложил научную этимологию слова *чувиха* [Баранников 1931: 154], которая до сих пор фигурирует в различных публикациях и некоторых словарях, хотя В. В. Шаповал, сначала разделявший эту версию [Дьячок, Шаповал 1988], затем доказал ее несостоятельность [Шаповал 2007].

Баранников связал корень слова *чувиха* с цыганским *čavó* ‘парень’. Рассмотрение Баранниковым слова *чувиха* в числе прочих единиц воровского арго основано именно на единственном включении слова в упоминавшийся словарь Потапова [Потапов 1927: 184].

Шаповал пишет:

По поводу слова «*Чувиха* — проститутка» [Потапов 1927: 184] А. П. Баранников замечает: «“čavó” (мальчик), следовательно “чувиха” означает “мальчикова девочка” (в смысле “проститутка”)» [Баранников 1931: 154]. Эта версия семантически слабо обоснована. Сегодня и предполагавшееся прежде нами «выведение рус<ского> аргот<ического> *чувак* из цыг. *Чяво*» [Дьячок, Шаповал 1988: 52–53] представляется сомнительным также по причине семантических трудностей переноса наименования с “цыганского парня” на просто “парня”. Нейтрализация этой важной с точки зрения цыганского мировосприятия понятийно-оценочной оппозиции маловероятна. Е. С. Отин трактует слово “чувак” как заимствование из болгарского [Отин 2006: 326–327] [Шаповал 2007: 125].

Шаповал в 2007 г. отвергает цыганскую этимологию и ряда других «цыганизмов-арготизмов» по А. П. Баранникову, например *лярва*. С другой стороны, о самом материале, которым пользовался Баранников, — словаре Потапова — Шаповал пишет как о содержащем много действительно цыганских слов, записанных на слух, но, наоборот, не являющихся русскими арготизмами:

Большая часть цыганского материала в словаре 1927 г. не имеет отношения к жаргону русского языка... Представленные почти исключительно в «Словаре жаргона преступников» 1927 г. [Потапов 1927]... лексические «цыганские элементы» в количестве более ста единиц были зачислены в состав воровского арго фактически списком [Шаповал 2007: 126].

Итак, и Потапов, и Баранников в конце 1920-х — начале 1930-х гг. стремились как можно существеннее увеличить долю цыганизмов в воровском арго, что заставляет критически относиться и к версии происхождения слова *чувиха* от *čavó*.

Б. Я. Шарифуллин в относительно недавней статье «Этимология и история одного интересного слова: *чувак*» (2013) обращает внимание на арготизмы *чува*, *чувая*

и *чувайка* и считает, что *чувая*, *чувайка* «указывают на адъективный характер слова *чува*, т. е. возможный субстантив от формы женского рода краткого прилагательного *чув, *чува* (полная форма, тоже субстантивированная, — *чувая*)» [Шарифуллин 2013: 285]. Далее он «с известной осторожностью, учитывая арготический характер этих слов» отождествляет корень чув- с праславянским *čuvъ(jь), производным от глагола *čuti:

Праслав. *čuvъ(jь) должно отразиться в русском языке как *чувый, жен. р. *чувая*. Последняя представлена в субстантивате *чувая* «девушка, молодая женщина легкого поведения, но не из преступной среды», сохранилась и краткая форма *чува* «молодая девушка». Форма муж. рода *чув(ый) явилась производящей для аргот. чувак: ср. соотношение праслав. *dugъ (краткая форма прилагат. муж. рода) — *dura (краткая форма прилагат. жен. рода) — *durакъ... и *čuvъ — *čuva — чувак. Семантическое развитие в данном случае выявить довольно сложно: возможно, из «чувственный, плотский» > «чувственное, плотское существо», имея в виду присутствие семы «развратная» в значении слов *чува*, *чувая*, *чувайка* [Шарифуллин 2013: 285].

К сожалению, неясно, из какого источника автор взял лексемы *чувая* и *чувайка* и их толкования, в том числе семантику развратности, потому что в указанных им в списке литературы словаре Елистратова [Елистратов 2000] и словаре В. В. Быкова [Быков 1993] из перечисленных слов есть только *чува*, при этом у Елистратова *чува* толкуется как *чувиха*, т. е. «любая женщина, девушка», у Быкова «девушка», т. е. без «семы «развратности»».

Между тем в отсутствующем в его списке литературы словаре аргот. М. А. Грачева есть и *чува*, и *чувая*, и *чувайка* с толкованиями (несколько иными) и с примерами:

ЧУВА́, -ы́, ж. 1. Женщина легкого поведения. *Моя чува мне всю ночь покою не давала.* 2. Девушка. «Чуть золот на бочке во Путивле / Ярославна, клевая чува, / Ваблит и червонному светилу / Зюкает законные слова». (Н. Колпакчи, «Слово о полку Игореве»). [От арг. *чувиха*]; **ЧУВА́ЙКА**, -и, ж. 1. Женщина из преступной среды. Люська вышла замуж за крутого барыгу, а раньше была самой настоящей чувайкой... 2. Любовница профессионального преступника. *Чувайка меня не стала ждать...* [от арг. *чува*]; **ЧУВА́Я**, -ая. 1. То же, что ЧУВА в первом и втором значениях. *Чувая мне не дала сегодня.* (...) 2. То же, что ЧУВАЙКА. *Чувые грабанули ларек.* [Грачев 2003].

Действительно, слова *чувиха*, *чувак*, *чува*, *чувая*, *чувайка* на первый взгляд логично образуют словообразовательные цепочки:

- 1) *чува* субстантиват ← *чува краткое прилагательное женского рода;
- 2) *чувая* субстантиват ← *чувая полное прилагательное женского рода;
- 3) *чувайка* ← *чувая*, субстантиват (как *молодайка* ← *молодая* «молодая жена», субстантиват);
- 4) *чувиха* ← *чува* (как *молодиха*, диалектное, «жена сына», см.: [Словарь говоров] ← *молода*, субстантиват, «молодая жена»);
- 5) *чувак* ← *чувый (как *левак* ← *левый*, субстантиват, «лицо с левыми политическими взглядами»).

Но, по мнению большинства лингвистов, *чува* — обратный дериват от *чувиха*, а не субстантиват: «Слово *чува* возникло из более старого *чувиха*, возможно, в от-

носителем недавнее время в связи с обострением экспрессивности редеривации, ср. детское арг. *пача* “лицо” ← *пачка* “то же» [Дьячок, Шаповал 1988]. См. также выше о *чува* «от арг. *Чувиха*» [Грачев 2003].

Действительно, в доступных источниках слово *чува* появляется позже, чем *чувиха*, а примеры употребления *чува* и *чувая* как прилагательных отсутствуют. Смущает и крайне узкое употребление этих слов даже в русском языке, притом что в случае их праславянского происхождения от глагола **čuti* они должны были сохраниться в каких-либо говорах и других славянских языках.

И все же приведенные словообразовательные цепочки, возможно, имеют отношение к действительности, хотя и вряд ли связаны с праславянским глаголом **čuti* и праславянским корнем с расширением **čivъ*, как предполагает Шарифуллин. Возвести к праславянскому корню слова *чувиха*, *чувак* и очевидно более позднее *чува* не позволяют семантические соображения и, как уже отмечено, очень локальное распространение этих единиц. Очевидно, здесь имеет место омонимия.

Однако в отмеченном выше арго Алагирной улицы привлекает внимание слово *човый*, употребленное с определением *клевый* и являющееся в данном случае несомненным субстантиватом. Словосочетание *клевый човый* переведено автором как ‘хороший гость’; под гостем имеется в виду посетитель заведения (который закает музыку).

Слово *човый* вызывает интерес, во-первых, фонетической близостью корня *чов-* к корню *чув-* слов *чувиха* и *чувак*; во-вторых, семантической противопоставленностью в контексте диалога слову *чувиха*, т. е. ‘женщина’ (которая не закажет музыку). *Пришла чувиха, но не идет клевый човый*. *Човый* — это, в отличие от *чувихи*, мужчина, что в конситуации означает способность платить музыкантам: это важная прагматическая составляющая значения слова.

Арготизм *човый*, орфографически также *чёвый*, тоже представлен в словаре М. А. Грачева, но как прилагательное положительной оценки, а не как субстантиват: «**ЧОВЫЙ**, -ая, -ое. Хороший. СВИФ, А. *Маз Олег причал надывбал човый / где, бухнув, кемарит князь фартовый*» [Грачев 2003]. Интересно, что пример взят из современного текста — перевода «Слова о полку Игореве» на воровское аргю, в котором есть и пример прилагательного в женском роде: «Ярославна, чёвая марёнка, / Со слезой калякает Днепру» [Колпакчи 1997: 16].

Арготическое прилагательное *човый* можно отыскать и в гораздо более ранних источниках: в словниках тайных языков XIX в., включенных в монографию М. Н. Приемышевой «Тайные и условные языки в России XIX века» [Приемышева 2009]. В значениях «хороший, красивый, годный» слово приводится в словниках как арготизм петербургских мазуриков, записанный в 1859 г. [Приемышева 2009: 436] и как арготизм русских бродячих торговцев-офеней городов Углича, Кашина и Калязина (в последнем случае также *човенький* ‘хорошенький’), записанный впервые еще в 1844 г. (все три города расположены недалеко друг от друга на верхней Волге) [Приемышева 2009: 132, 147, 153].

В словнике арготической лексики торговцев Бежецка Тверской губернии [Бежецкий словник 1820] имеется очень ранний вариант с аканьем и ударением на окончании: *чавой* ‘хороший, большой’ (цит. по: Приемышева 2009: 136), записанный еще в 1820 г. Возможно, тот же корень с утратой аффрикативности представ-

лен в арготизмах шкловских шаповалов *шовский* 'хороший', *шовско* 'хорошо' [Приемышева 2009: 288], взятых из публикации 1912 г.

Субстантивация прилагательного *човый* в значении 'мужчина-гость' (что в ситуации ресторанных музыкантов, собственно, и значит «хороший, правильный человек») могла произойти как уже в арго ресторанных музыкантов, так и в некоем другом арго, из которого *човый* как субстантиват попал к музыкантам. Ср. полностью аналогичную субстантивацию с семантическим сдвигом 'хороший' → 'хороший человек' у прилагательного женского рода *клёвая*, которое приводится отдельно в значении «хорошая женщина» в словнике арготической лексики торговцев Углича в записи 1843 г. в той же монографии⁷ [Приемышева 2009: 132].

Човый могло бы быть производящим словом как для слова *чувиха* (ср. *портной* — *портника*), так и для слова *чувак* (ср. *босой* — *босяк*), особенно с учетом нейтральных или положительных коннотаций слов *чувиха* и *чувак* в рассмотренных арго, но этому мешает гласный в корне: [o], а не [y].

Однако в словнике арготической лексики торговцев города Нерехты (тоже на верхней Волге, но примерно в 200 км от упомянутых городов) имеется наречие *чюво* 'хорошо', записанное в 1850 г. [Приемышева 2009: 116], которое должно быть дериватом от прилагательного **чув*, **чувый* (в современном нормативном написании). Общая семантика «хороший» заставляет считать корни *чов-* и *чув-* вариантами одного корня.

Прилагательное **чувый* могло выступить производящим словом для дериватов *чувиха* и *чувак*, а также субстантивата *чувая*, что могло произойти в каком-то арго, содержащем прилагательное *човый/чувый* («хороший») в варианте с гласным [y] в корне.

Семантически переход от выражения положительной оценки к обозначению «правильного» человека вполне возможен в арго. Помимо приводившегося выше примера *клёвая* («хорошая женщина») в арго торговцев Углича, субстантивацию прил. *честный* в значении «честный вор, вор в законе» в современном криминальном арго см. в работе [Грачев 2003], от которого образовано существительное *честняк* с тем же значением.

Наличие положительных коннотаций у слов *чувиха* и *чувак* в арго стилистически подкрепляют версию об исходном значении положительной оценки корня *чув-*. Семантика принадлежности к преступному миру у криминальных арготизмов *чувая* и *чувайка* также предполагает положительную оценку обозначаемых ими лиц. В обоих случаях положительная оценка номинаций лиц связана с их принадлежностью к группе, которая воспринимается носителями арго не просто как своя, но и как наиболее престижная.

Вопрос дальнейшей этимологии арготического корня *чов-/чув-* и происхождения его разных фонетических вариантов требует объяснения. Сосуществование слов *чувиха* и *човый* в арго Алагирной улицы, с разными фонетическими вариантами корня (если допустить, что это один корень), может объясняться заимствованием этих слов из разных арго или тайных языков.

⁷ Приложение 3. Словники арготической лексики торговцев г. Углича 1843.

Арготизмы тайных языков XIX в., соответствующие арготизмам стилияг/лабухов

В словниках тайных языков, записанных на территории России, Белоруссии, Украины, есть слова, совпадающие с арготизмами рассмотренных идиом, или одно-коренные им.

Прежде всего это глагол *лабаты* 'играть; ругать, гавкать' в словнике арготической лексики харьковских нищих (невлей)⁸ [Приемышева 2009: 378]. Более широкий спектр значений глагола, чем в музыкантских арго, указывает на более долгое существование слова в арго невлей. Что касается его этимологии, в «Этимологический словарь славянских языков» включен глагол **labati* как вероятная праформа сербохорватского *lābati* 'лакать (по-собачьи, по-кошачьи и т. д.), жадно, торопливо есть, лопать', чешского *lábati* 'пить', польского диалектного *labac* 'много пить' [Этимологический словарь]. Глагол интерпретируется как экспрессивное звукоподражание, по другим источникам, заимствование из немецкого *labben, loppren* 'лизать, лакать, жадно пить, жрать'. Во всех случаях имеется общая семантика 'издавать громкие звуки'. В словнике харьковских невлей и других словниках монографии Приемышевой есть и другие слова с корнем *лаб-* и семантикой игры на музыкальных инструментах. Таким образом, утверждение Костомарова, что *лабаты* и *лабух* взяты из каких-то дореволюционных, но не воровских, арго, подтверждается на материале словников тайных языков монографии Приемышевой.

Далее, в разных словниках монографии Приемышевой имеются слова *баши*, *башилька*, *башилыга* со значением 'грош, две копейки', соотносимые со словом *башили* 'деньги' (имеющимся в арго Алагирной улицы, лабухов, стилияг) и словом *баши* 'деньги' (имеющимся в тайном языке оркестровых музыкантов XIX в.). Вероятно, эти слова заимствованы с семантическим сдвигом из татарского, где *баши* 'голова', *башилык* 'начальник, руководитель, глава, главарь' (могло мотивироваться изображением на монете).

В словниках, входящих в монографию Приемышевой, есть и лексемы с другими корнями, фонетически и семантически соответствующими корням арго музыкантов и стилияг.

Таким образом, музыкантские арготизмы заимствовались не столько из воровского арго, сколько из тайных языков других профессиональных бродячих групп: торговцев, нищих, с которыми музыканты должны были встречаться на ярмарках, на похоронах, в помещичьих усадьбах. По-видимому, это касается и слова *чувиха*, возможно, и *чувак*. Разумеется, из тех же тайных языков некоторые единицы могли попадать и в воровское арго, см. *човый*. Обратное направление заимствования некоторых единиц тоже возможно; по крайней мере, в эпоху НЭПа рестораны, где играли музыканты, широко посещались криминальным контингентом.

Вся эта лексика, ее связи, словообразовательные гнезда, связи со словами территориальных диалектов требуют дальнейшего изучения.

⁸ Словник взят из публикации 1883 г.: Иванов В. В. Невли. *Харьковский губернский статистический комитет. Статистический листок*. 1883, (10): 153–156.

Выводы

В текстах 1950–1960-х гг. *чувиха* и *чувак* связаны исключительно с субкультурами стилиаг и лабухов. Как и ряд других единиц, *чувиха* и *чувак* перешли из арго лабухов в арго стилиаг.

Слово *чувиха* перешло в арго лабухов не из арго преступников, а из арго ресторанных музыкантов, существовавшего в 1920-е гг. на юге России и включавшего и другие единицы, известные по арго лабухов и стилиаг: слова *лабать* и *башили* и морфему — корень *лаж-*.

В упомянутом музыкантском арго 1920-х гг. есть номинация лица *човый*, противопоставленная слову *чувиха* по гендерному признаку. Как прилагательное со значением «хороший» *човый* входит в ряд словников тайных языков монографии Приемышевой; в одном из словников арго бродячих торговцев имеется также наречие *чуво* (в записи *чюво*) ‘хорошо’, которому должно соответствовать прилагательное **чувый* ‘хороший’. Это слово могло выступить в качестве производящего для слов *чувак* и *чувиха*.

Три слова музыкантского тайного языка XIX в., приведенные в книге [Липаев 1904], — *баш*, *клеве* и *хилен*, родственны арготизмам лабухов 1950-х *башили*, *клевый*, *хилать*. Таким образом, все три музыкантских идиомы генетически связаны.

В словниках тайных языков XIX в. монографии Приемышевой имеются соответствия арготизмам лабухов/стиляг с корнями *лаб-*, *баш-* и др. В целом изложенное позволяет сделать вывод, что музыкантские арготизмы заимствовались не столько из воровского арго, сколько из тайных языков других профессиональных бродячих групп: торговцев, нищих, и это происходило еще в XIX в. Из арго музыкантов юга России 1920-х гг., генетически связанного с тайным языком оркестровых музыкантов XIX в., ряд слов, включая слова *чувиха*, *лабать* и др., перешли в общее арго всех лабухов советской эпохи. От лабухов же, стоявших ближе других к западной музыке, арготизмы, включая слово *чувиха*, видимо, неоднократно переходили к увлеченной этой музыкой молодежи, которую вскоре стали называть стилиагами.

Источники

- Аксенов 1961 — Аксенов В. П. Звездный билет. Юность, 1961, (6–7).
- Аксенов 1992 — Аксенов В. П. *В поисках грустного бэби: две книги об Америке*. М.: Конец века, 1992.
- Барлас 1958 — Барлас Л. В. Запись в дневнике 4 декабря 1958. <https://corpus.prozhito.org/note/254113> (дата обращения: 25.02.2024).
- Дыховичный, Слободской 1960 — Дыховичный В. А., Слободской М. Р. *Следующий номер программы...: сатира и юмор для эстрады*. М.: Искусство, 1960.
- Казakov 1985 — Казakov Ю. П. *Избранное: рассказы. Северный дневник*. М.: Худож. лит., 1985.
- Козлов 1998 — Козлов А. С. *Козел на саксе*. М.: Вагриус, 1998.
- Колпакчи 1997 — Колпакчи Н. *Слово о полку Игореве. Новые переводы*. М.: Арго-риск, 1997.
- Липатов 1959 — Липатов В. В. Капитан «Смелого». *Новый мир*. 1959, (10): 3–56.
- Липкин 1953 — Липкин Л. Я. Запись в дневнике 4 июня 1953. <https://corpus.prozhito.org/note/610433> (дата обращения: 25.02.2024).
- Миллер 1941 — Миллер Г. Ф. *История Сибири*. В 2 т. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941.
- Хаит 1929 — Хаит Д. М. Алагирная улица. *Октябрь*. 1929, (5): 3–52.
- Чуковский 1962 — Чуковский К. И. *Живой как жизнь (разговор о русском языке)*. М.: Молодая гвардия, 1962.
- Эрлих 1958 — Эрлих А. И. *Молодые люди*. М.: Советский писатель, 1958.

Словари

- Бежецкий словник 1820 — *Отличные выражения, употребляемые бежецкими гражданами в торговле*. Труды Общества любителей российской словесности. Ч. XX. М.: В унив. тип., 1820. С. 168–173.
- Быков 1993 — Быков В. В. *Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов*. Смоленск: Траст-Имаком, 1993.
- Грачев 2003 — Грачев М. А. *Словарь тысячелетнего русского арго: 27 000 слов и выражений*. М.: Рипол-классик, 2003.
- Даль 1981 — Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. В 4 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1981.
- Елистратов 2000 — Елистратов В. С. *Словарь русского арго: материалы 1980–1990 гг.: Около 9000 слов, 3000 идиоматических выражений*. М.: Русские словари, 2000.
- Ефремова 2006 — Ефремова Т. Ф. *Современный толковый словарь русского языка*. В 3 т. М.: АСТ, Астрель; Харвест, 2006.
- Кузнецов 1998 — Кузнецов С. А. *Большой толковый словарь русского языка*. СПб.: Норинт, 1998.
- Липаев 1904 — Липаев И. В. *Оркестровые музыканты*. СПб.: ред. «Рус. муз. газ.», 1904.
- Лопатин 1999 — *Русский орфографический словарь: ок. 160 000 слов*. Лопатин В. В. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 1999.
- Поливанов 1931 — Поливанов Е. Д. *За марксистское языкознание*. М.: Федерация, 1931.
- Потапов 1927 — Потапов С. М. *Словарь жаргона преступников (блатная музыка)*. М.: Нар. комиссариат внутр. дел, 1927.
- Словарь говоров — *Словарь русских народных говоров*. Вып. 18. Филин Ф. П. (гл. ред.). Л.: Наука, 1982.
- Шанский, Боброва 1994 — Шанский Н. М., Боброва Т. А. *Этимологический словарь русского языка*. М.: Прозерпина, 1994.
- Этимологический словарь — *Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд*. Трубачев О. Н. (отв. ред.). Вып. 14. М.: Наука, 1987.
- Velký rusko-český slovník — *Velký rusko-český slovník*. Kopetškií Leontií V, Bohuslav Havránek, Karel Horálek. Sv. 6. Praha: Nakl. Československo-sovětského institutu, 1964.

Литература

- Баранников 1931 — Баранников А. П. Цыганские элементы в русском воровском арго. *Язык и литература*. 1931, (VII): 139–158.
- Гузаерова 2020 — Гузаерова Р. Р. Провинциальная франтиха: формант *-их(а)* в номинативном поле словообразовательной категории феминитивности. *Филология и культура. Philology and Culture*. 2020, (3): 24–29.
- Дьячок, Шаповал 1988 — Дьячок М. Т., Шаповал В. В. Русские арготические этимологии. В сб.: *Русская лексика в историческом развитии: сб. науч. тр. Федоров А. И.* (отв. ред.). Новосибирск: [б. и.], 1988. С. 52–60.
- Костомаров 1959 — Костомаров В. Г. Откуда слово «стиляга»? Этимологические заметки. *Вопросы культуры речи*. 1959, (2): 168–171.
- Приемышева 2009 — Приемышева М. Н. *Тайные и условные языки в России XIX в.* В 2 ч. Ч. 2. Приложения. СПб.: Нестор-История, 2009.
- Шаповал 2007 — Шаповал В. В. Цыганские элементы в русском воровском арго? (размышления над статьей акад. А. П. Баранникова 1931 г.). *Вопросы языкознания*. 2007, (5): 108–128.
- Шарифуллин 2013 — Шарифуллин Б. Я. Этимология и история одного интересного слова: *чувак*. В сб.: *Человек и язык в коммуникативном пространстве: сб. науч. ст. Шарифуллин Б. Я. и др.* (ред.). Красноярск: Сибир. федер. ун-т, 2013. С. 283–287.

Статья поступила в редакцию 12 марта 2023 г.
Статья рекомендована к печати 3 ноября 2023 г.

On the history of Russian argotism “chuvikha”*

For citation: Fufaeva I. V. On the history of Russian argotism “chuvikha”. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2024, 21 (1): 166–181. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2024.109> (In Russian)

The study addresses the problem of incompleteness of data on the origin of Russian slang expression *chuvikha* ‘woman, girl’. It has long been associated with thieves’ cant, in which, according to A. P. Barannikov, the lexeme was gypsyism. Then the gypsy etymology began to be rejected. The purpose of the study is to fill in the gaps in the history of the word *chuvikha* using the methods of corpus and lexicographic analysis on the material of the Russian National Corpus, the collection of digitized books google.books, the diary service Prozhito.org, dictionaries of secret languages, slang dictionaries, etc. The following conclusions are made. *Chuvikha*, *chuvak* and a number of other slang expressions moved into the jargon of so-called stylyags (youth, passionate about Western culture) no later than the early 1950s from the jargon of restaurant musicians, so-called *labukhs*. Thus, the source of the argotisms of the stylyags was the slang of musicians, not thieves. Further, jargons of restaurant musicians of the 20th century are related with the secret language of orchestral musicians of the 19th century, having common roots with the slang expressions of *labukhs*, are given in the book. They are also related with other secret languages of the 19th century. The words *chuvikha* and *chuvak* are possibly related to the lexem *chovy* ‘good’, which was used in the secret languages of the 19th century (with a variant of the root *chuv-*) and in the aforementioned musical jargon of the 1920s as a substantive — the nomination of a person.

Keywords: jargons, argotisms, etymology, secret languages, youth jargon.

References

- Баранников 1931 — Barannikov A. P. Gypsy elements in Russian thieves’ slang. *Iazyk i literatura*. 1931, (VII): 139–158. (In Russian)
- Гузаерова 2020 — Guzaerova R. R. “Provintsial’naia frantikha”: formant *-ikh(a)* in the nominative field of the derivational category of femininity. *Filologiya i kul’tura. Philology and Culture*. 2020, (3): 24–29. (In Russian)
- Дьячок, Шаповал 1988 — D’iachok M. T., Shapoval V. V. Russian Argotic Etymologies. In: *Russkaia leksika v istoricheskom razvitii: sbornik nauchnykh trudov*. Fedorov A. I. (ed.). Novosibirsk, 1988. P. 52–60. (In Russian)
- Костомаров 1959 — Kostomarov V. G. Where does the word “stiliaga” come from? Etymological notes. *Voprosy kul’tury rechi*. 1959, (2): 168–171. (In Russian)
- Приемышева 2009 — Priemysheva M. N. *Secret and conditional languages in Russia in the 19th century*. In 2 pts. Pt. 2. Applications. St Petersburg: Nestor-Istoriia Publ., 2009. (In Russian)
- Шаповал 2007 — Shapoval V. V. Gypsy elements in Russian thieves’ slang? (Reflections on an article by Academician A. P. Barannikov, 1931). *Voprosy iazykoznaniiia*. 2007, (5): 108–128. (In Russian)
- Шарифуллин 2013 — Sharifullin B. Ia. Etymology and history of one interesting word: *chuvak*. In: *Chelovek i iazyk v kommunikativnom prostranstve: sbornik nauchnykh statei*. Sharifullin B. Ia. et al. (eds). Krasnoyarsk: Sibirskii federal’nyi universitet Publ., 2013. P. 283–287. (In Russian)

Received: March 12, 2023

Accepted: November 3, 2023

* The research was supported by a grant from the Russian Science Foundation, project no. 19-78-10081 “Political correctness in the Russian language and Russian culture”.